

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

НАСЛЕДИЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ СОВЕТСКОЙ ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

*Дмитрий Карлович Тихазе,
Анастасия Сергеевна Курилова*
(anastassia-01@yandex.ru)

Независимые исследователи, Москва, Россия

Цитирование: Тихазе Д.К., Курилова А.С. (2018) Наследие послереволюционной советской жилой архитектуры первой половины XX века: опыт социологического анализа. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(3): 201–221. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.9>

Аннотация. Процесс урбанизации в СССР шел одновременно с формированием нового типа человека на фоне радикальных социальных изменений, например отмены частной собственности и массового перехода от сельского труда к производственному. Миллионы людей должны были быстро привыкнуть к новому типу коллектива, идеологии, бытового, общественного, трудового и потребительского поведения, а также к жизни в городах. Активная урбанизация заключалась не только в строительстве заводов, но и в комплексном возведении жилых, управленческих, обслуживающих и рекреационных объектов, в изменении облика старых городов. Архитектурные объекты строились как с функциональной целью, так и для того, чтобы обеспечивать самовоспроизводство новой общественной системы. В статье сделана попытка социологического изучения специфических и общих социальных явлений, связанных с социалистическими архитектурными объектами, при помощи теоретических концепций социологии архитектуры (как части социологии материальной культуры). (1) Материальное содержит стабилизационный аспект социальной организации во взаимовлиянии людей и вещей. При восприятии материальности архитектуры разворачиваются социальные ситуации, влияющие на людей. Социальный контекст производит архитектуру, которая является специфической формой материального из-за вложенного труда и сильной укреплённости и устойчивости в этом социальном контексте и его изменении со временем. (2) Архитектура делает зримыми аспекты социального, идеи, социальные отношения и концепции, проявляющиеся в видимом агрегате людей и вещей, социальные нормы и процессы, бывшие при замысле архитектуры, а по воплощении — идущие с ней. На примерах советского архитектурного авангарда и отчасти следующего за ним по времени стиля делается попытка выявить связь материального и формирования советского человека.

Ключевые слова: социология, архитектура, материальное, советский авангард, конструктивизм, революция.

К XIX в. в России в городах обитали около 10 % жителей, при этом во многих городах велась сельскохозяйственная деятельность. Усилившийся в конце XIX — начале XX в. рост городского населения прервался революцией и Гражданской войной и возобновился к 1928 г. Количество жителей городов СССР снизилось с 28 млн человек в 1917 г. до 22 млн в 1923 г., а затем выросло с 26 млн человек в 1926 г. (18 % от всего населения страны; в некоторых областях, например в Ленинградской и Московской, доля горожан была значительно выше — 67 и 60 % соответственно) до 43,7 млн в 1937 г., что уже составляло 27 % населения государства (Поляков, Жиромская 2000). Увеличение доли жителей городов продолжалось до 1990 г., когда достигла 74 % и оставалась такой и в 2017 г.

Потребности интенсивной индустриализации были сопряжены с быстрой урбанизацией, укрупнением существующих городов и основанием новых и перемещением в города большого количества людей, так как наиболее эффективным устройством нового социалистического государства признали производственно-городское (Меерович 2012).

В 1926 г. в СССР было 1929 городских населенных пункта, из них в РСФСР — 1240. Три четверти из них имели население от пяти до двадцати тысяч человек. В 1939 г. количество городов и поселков городского типа возросло в РСФСР до 1315 (Поляков, Жиромская 2000).

Некоторые процессы, связанные с изменением общества, происходили и в дореволюционной России: увеличение отхода в города на заработки, небольшое снижение рождаемости и ослабление патриархальной крестьянской семьи, связанное с разделами хозяйства и вступлением в брак по взаимной склонности, а не по материальным соображениям (Поляков, Жиромская 2000). С трансформацией общественной системы эти процессы приобрели гораздо большие масштабы, так как структурные императивы требовали усиленного притока в города рабочей силы, перехода от семейного хозяйствования на земле к индивидуальной работе в городе и селе. Люди должны были достаточно перестроиться от жизни в крестьянской большой семье — единице биологического воспроизводства и собственности, трудового производства и потребления, с ее субординационными внутрисемейными отношениями — к городской семье современного типа, где, например, необязательно вступление в брак для мужчины, в крестьянском типе жизни почти непременным для создания отдельного хозяйства. После революции произошел резкий рост браков, разводов, неполных семей, сократился размер семей. В 1920–1930-е годы наиболее распространенным типом семьи были брачные пары с детьми и, возможно, с кем-то из родственников, нуклеарные и неполные семьи (Поляков, Жиромская 2000). Жить нужно было в новых местах — городах,

при усилении внесемейных общественных ориентаций. Характер необходимого труда тоже изменился в сторону регулярного, сложного, в условиях завода, несезонного, в отличие от тоже весьма нелегкого труда на земле. Крестьянскому труду, зачастую на собственной земле, соответствовал иной культурный, духовный, религиозный, психический тип человека. Новая общественная система требовала иных, ей соответствующих социально-культурных параметров личности (Меерович 2009).

Все эти сложные явления сопровождалась жилищной проблемой, потому что имеющееся жилье было перенаселено, а строительство за потоками людей не успевало. В середине 1920-х годов в городах в среднем на одну комнату приходилось от одного до пяти жильцов (Поляков, Жиромская 2000). В 1960-х годах в Москве в коммунальных квартирах продолжало размещаться 60 % населения, в 1970-х — 40 % и к концу 1980-х — 20 % (Трущенко 1995).

Для устройства людей необходимы были новые материальные структуры. Прежние и новые горожане жили в старых домах и заселялись в новые постройки. Но это было не просто строительство. Просто функциональное строительство, конечно, тоже велось — в виде деревянных, временных, как надеялись, общежитий. А кирпичное и железобетонное строительство, помимо функциональной идеи, было нагружено в смысловом отношении. Оно несло различные идеи: идею об адаптации людей, изменившейся семьи к новому социальному устройству, идею о гуманистической материальной среде, способствующей организации работы, отдыха и коллективизации человека, всех людей, пусть и в городе, но в согласии не только с новым модернизированным производственным, но и природным порядком. Во многом это были представления, в тот момент совпавшие с системными ориентациями архитекторов — сторонников архитектурного авангарда, из которых более всего строили конструктивисты и присоединившиеся к этому стилю архитекторы, а также рационалисты и отдельные яркие мастера. Подобные гуманистические замыслы сочетались с концепцией глубинной механизации новой цивилизации (Бобринская 2010).

Обновленные материальные структуры требовались для особого нового массового общества — коллективного, являющего трудовые ресурсы, не имеющего личной собственности, кроме бытовых вещей. Оно должно работать на рационализированном, стандартизированном, технологизированном в соответствии со стандартами XX в. физическом или умственном производстве, быть организовано и обслужено, трудиться и воспроизводиться, жить в организованной и благоприятной социально и физиологически, насколько возможно, материальной среде.

Материальное и архитектура в изучении общества

В современной социологии и других социальных и гуманитарных науках материальному измерению жизни уделяется много внимания. Так, О. Пыхтинен развивает положения акторно-сетевой теории, важнейшее из которых состоит в том, что артефакты не отражают социальный порядок, как будто отражаемое общество существует где-то еще и «сделано» из чего-то другого. Быть человеком означает быть неразрывно связанным с разнообразными внешними формами окружающей социальной среды, сетями, потоками, люди существуют не только в обществе людей, а в богатом мире материалов. Материальное динамично и может иметь продуктивные деятельностные эффекты. Общество поддерживается не только социальными навыками людей, а множеством гетерогенных объектов. Неодушевленный предмет вплетен в социальную динамику: он делает возможным, поддерживает, сообщает, опосредует, трансформирует, переводит и предотвращает действия людей, которые без наличия ряда, союза предметов и отношений не были бы возможны. Люди, по его мнению, это не чисто субъективные сознания, только иногда вступающие в контакт с материальностью, социальное — это собрание людей, гетерогенных материалов и вещей, включая природные явления, где всё участвует в создании отношений. Люди получают навыки через взаимодействие с миром, учатся у него; человек зависит от вещей, которые зависят от людей. И у человека нет полного контроля над вещной средой, автор считает, что субъект скорее создание мира, а не наоборот. Человек как таковой существует не в естественном состоянии или автономно, а только благодаря массе отношений и взаимозависимостей, его сознание и действия обусловлены извне — связями разного масштаба, другими действиями и ассоциациями.

Объекты всегда составляют неизбежную часть повседневной жизни, включены в отношения и обеспечивают их стабильность. Человеческие отношения нуждаются в опоре и стабилизации медиаторами, от товаров до архитектуры, от инструментов до текстов, от инфраструктуры до денег. Многие черты общностей и общества, например длительность, распространенность, мобильность, существуют во многом за счет заложенной способности артефактов буквально конструировать общество. Анализ материального производит новое понимание того, что значит быть человеком.

Исследователь предлагает думать о вещи как о сборке, месте пересечения разного рода элементов, сил и отношений, которая в том или ином контексте может собирать общность вокруг себя или быть частью какой-либо общности или коллектива. Будучи вынуженным из отношений, объект

не может быть адекватно понят. Вещь — это динамика, сплав материалов и отношений. Также он полагает нужным для приближенного к полному пониманию рассматривать объект как более чем объект — в широком контексте и связях с другими социальными явлениями и элементами, так и менее чем объект — разбирая его на силовые и материальные составляющие (Pyuhtinen 2016).

В этом отношении интересна работа А. Заливако, ставшая результатом многолетнего труда по исследованию материалов и технологий строительства зданий советского архитектурного авангарда. В ней автор делает вывод о высочайшем качестве последних (Zalivako 2012). Это может говорить о том, что хотя целью строительства являлось скорейшее удовлетворение общесистемных нужд, скорость сопрягалась с качеством, что может свидетельствовать о серьезных намерениях системы основательно закрепится социально и материально.

О. Пыхтинен подчеркивает, что объекты искусства и все остальные объекты имеют продолжающуюся историчность, в каждый социально-исторический момент становясь чем-то иным, и вещи могут одновременно существовать в разнообразии контекстуальных, пространственных, временных масштабов. Вещь, ее компоненты и союзы, в которые она входит, обладают ритмом, длительностью, преходящими и трансформирующимися (Pyuhtinen 2016). Когда мы смотрим на конструктивистский дом, мы думаем одновременно и о его прошлом, и об актуальном контексте, от которого состояние здесь-и-сейчас не дает отрешиться. Теперь он тоже машина — машина времени, отсылающая в прошлое, а для конструктивистов и современников он был машиной для жилья и машиной времени, отсылающей в будущее.

Вещь длится в практиках. Постоянство любой вещи создается, поддерживается и разрушается в связи с нашими практиками и другими вещами (Pyuhtinen 2016). Историчность архитектурного авангарда стала проявляться практически сразу. Декларированный конструктивизм и конструктивизм состоявшийся не совпадают во всех сферах искусства (Сидорина 2010), а состоявшийся архитектурный конструктивизм также не был полной реализацией задуманного. Во-первых, его основоположники хотели строить небоскребы, чтобы углубить контраст старых частей города и растущих новых (Чепкунова 2011). Во-вторых, в силу экономических и других факторов запланированная общественно-жилая застройка городов новой страны средствами архитектурного авангарда не была целиком осуществлена, а осуществленное отличалось от намерений, исполнение которых приходилось постоянно корректировать. Рабочие и студенческие городки часто не были достроены целиком.

Так, некоторые представители школы конструктивизма считали, что не может быть одного, универсального типа жилищ для людей разных профессий. Должны быть профессиональные признаки квартиры, к примеру устройства для сушки и хранения одежды для рабочих или отдельные кабинеты для людей умственного труда. Размер жилой площади может варьироваться от 10–16 квадратных метров для одного-двух одиноких людей в общежитии до 35–45 квадратных метров для малосемейного рабочего и 63 метров для более крупной семьи (Васильев 2014). Экономические и технические реалии побудили разработать и внедрить типовые жилые секции из двух 3–4-комнатных квартир на одном этаже 4–5-этажного дома. Однако была возможность обеспечить внешнее разнообразие и эстетичность за счет сложного плана квартала, повышения угловых подъездов для впечатления башенного силуэта, вариации форм и расположений окон, балконов и эркеров (Там же), использования нескольких видов кирпичей во внешнем оформлении, так как архитекторы всегда понимали, что монотонная материальная среда действует на человека угнетающе. При возможности также возводили продуманные кварталы или группы домов.

Построение нового общества теории и практики архитектурного авангарда связывали с путем недирективным, считая его дорогой экспериментов, проб и ошибок. Они искали способы наилучшего построения компонентов жилища для увеличения пространства, демонстрации преимущества коллективных удобств и занятий, к которым индивид придет непринудительно. Идеальная домашняя жизнь протекает в небольшом коллективе, где человек не теряет себя в толпе, а отдохнет, разовьется и социализируется (Hudson 1986).

Социальный контекст продолжает влиять на конечное воплощение и использование жилого архитектурного объекта. Так, заказчик иногда был вынужден экономить на мощности водопровода, и поэтому в доме не делали ваннные комнаты (Васильев 2014). В связи с огромным количеством нуждающихся в расселении в готовые квартиры заселялись покомнатно-посемейно. Скорректированное намерение архитекторов было воплощено в материальном предмете, но давление социальной ситуации продолжало обеднять замысел, и, возможно, практическое взаимодействие людей со зданием не дало намерению реализоваться, хотя сам объект физически оставался неизменным — новая, жилая постройка из натуральных качественных материалов с высокими потолками и сквозным проветриванием. Вероятно, сначала людям, переехавшим из худшего жилья, переезд принес радость и дом оценивался высоко. Но потом жизнь в одной квартире с другими людьми могла снизить удовлетворение от такого проживания, и в восприятии жильцов дом мог стать другим, цен-

ность его для них снизилась. В то же время некоторые комнаты освобождались, в них въезжали новые жильцы из худших условий, которые высоко оценивали свой новый для них дом.

Постепенно материальный контекст домов середины 1920-х — начала 1930-х годов менялся. Уже в советское время перестают работать бассейны на крышах жилых домов и студенческих общежитий. Сносятся внешние лестницы, крытые переходы между корпусами. Затем сносятся и некоторые корпуса, непосредственно в кварталах, и рядом с ними возводятся новые дома по новым технологиям — и смысловое значение квартала начинает соответствовать новому времени, а старые дома являют собой помехи в функциональном и символическом поле.

Возвращаясь к представлениям О. Пыхтинена, отметим, что он предлагает переориентировать рассмотрение объекта как цельной реализации идей, намерений и значений, т.е. кристаллизовавшегося предмета, к исследованию потоков, в которых этот предмет участвует. Рассмотрение в статике он сравнивает с дамбой, задерживающей поток материалов и отношений, и считает процесс бесконечного становления материалов (*becoming*) превосходящим состояние бытия (*being*). Первична процессуальность потоков и отношений, которые могут быть временно закрыты в объектах (Pyyhtinen 2016).

Между тем в современной социально-гуманитарной мысли есть подходы, предлагающие не ограничиваться единственным фокусом анализа, не отбрасывать концепцию вещи как бытия и как становления, а одновременно признавать обособление вещи и следить за потоками отношений, изучать и то и другое, перемещаться между этими двумя крайностями, потому что это лучше позволит понять очень сложный материальный мир (Fowler, Harris 2015).

Архитектура как одно из материальных проявлений общества также изучается социологией. В этом случае отправной точкой служит архитектурный объект как особый тип материального объекта в его социально-пространственном расположении. Предметом исследований может стать символическое измерение архитектуры: как здание или группа зданий репрезентируют властные, моральные, этические, социальные отношения, институты, нормы, иерархии. Например, как образ идеально-типичной семьи отражен в композиции комнат. Может изучаться и условно-деятельностное измерение архитектуры: как сооружения конституируют пространство, где осуществляются практики, действия, отношения; как отношения опосредуются, облегчаются, затрудняются или прекращаются посредством архитектурных объектов. Технология определяет социальный процесс, т.е. содержит стабилизационный аспект: чтобы что-то воспроиз-

водилось в соответствии с заложенными интенциями. Постулируется, что построенную среду необходимо менять в соответствии с социальными изменениями. В социологических исследованиях архитектуры предлагается сочетать анализ символических и условно-деятельностных возможностей архитектуры в связи с общими социологическими теориями о статусе вещей в обществе. Под действием архитектуры понимаются социальные ситуации, которые разворачиваются после постройки здания: как его воспринимают, что и как меняется в связи с этим, какие идеи оно репрезентирует и практики побуждает (Müller, Reichmann 2015): если говорить о действии неодушевленных предметов, то символически-идеологическая трансляция — тоже действие.

Содержательная сторона авангарда

После революции требовалась психологическая консолидация населения. Необходимым трансформациям препятствовали и предыдущий тип экономики, и некоторые аспекты поведения людей. Нужно было активно задействовать все доступные коммуникационные возможности. В этом помогали творческие люди. Вместе с печатной и устной агитацией использовались временное оформление улиц, карнавалы и шествия (Cooke 1995). В ноябре 1918 г. в Петрограде, по воспоминаниям очевидца, «город украшался, конечно, в красный цвет. Всё было затянуто красными полотнами. Футуристы выставили какие-то плакаты: ноги шли отдельно, голова оставалась позади, руки, тоже независимо от туловища, болтались где-то наверху. Было красиво и красно. Особенно запомнился мне огромный красный колпак, надетый на думскую каланчу. Колпак с широкими полями, только всё в огромных размерах» (Изгоев 1991: 30).

Экономическая ситуация не позволяла создавать большое количество материально более сложных предметов, но были созданы некоторые проекты и реальные экземпляры. Например, проект стационарного киоска А. Гана для агитации и продажи прессы и других товаров в деревнях (1924 г.), представлявший собой компактный коммерческо-социальный центр с почтой, радио и кино. Также новый смыслодержательный декор мог добавляться к тому, что выпускалось фабриками по старым образцам (Lodder 1983). Сохранился экземпляр деревянного обеденного стола с электрической розеткой, в центре которого оформлено место для радио. Подобные вещи сегодня имеют статус музейных.

В 1923–1925 гг. началось строительство новых жилых домов в стиле авангарда, сочетавшего утилитаризм и романтизм, попытку изменить некоторые черты и представления людей, но так, чтобы создавалось и сохранялось единство общества.

Перед революцией и сразу после ее свершения в России впервые были сформулированы многие проблемы, впоследствии занимавшие художников всего мира. Футуризм и конструктивизм появились в России (при этом инженерно-техническая версия конструктивизма интернациональна /Бобринская 2006/). Конструктивизм предполагал, что художник должен стать техником в технологическом обществе, используя инструменты и материалы современной промышленности для блага всех (Lucie-Smith 1977).

Идеи архитектурного конструктивизма разрабатывались в России и в XIX в.: их сторонники обсуждали необходимость формировать части и целое в здании как ответ на утилитарность и техническую рациональность и главным источником архитектурных форм видели технологию, или конструкцию, а искусство считали тем, что даст завершение технологическим формам (Cooke 1995).

Конструктивизм был течением более широкой парадигмы, картины мира, — авангардизма, распространенной в 1910–1930-х годах, а авангардизм, в свою очередь, был частью модернизма. Авангардизм развивал идеи активного, утопического, проектного, эстетического, обновленческого преобразования жизни при помощи сил искусства и науки (Гирич 2010; Сидорина 2010). Авангардизм — общеевропейское культурное течение, а в России он был еще связан с погружением в общеполитические и социальные вопросы (Бобринская 2010). Изменение социального и художественного мира, преодоление мешающих двигаться дальше структур классической культуры — это лишь внешняя сторона авангарда, содержательно он сложнее. Например, ориентация на технику и новые научные открытия сочетается с попытками увидеть в материальности вещей метафизическое и трансцендентное; погружение во внутренний опыт ведет к переоткрытию коллективных, неличных основ человека; ему свойственно соединение революционности и консерватизма, прогрессизма и авторитаризма, открытости и изменчивости и монологизма (Там же). Е. Бобринская в качестве общей черты культуры и искусства Нового времени отмечает синхронность признания субъекта и постоянные поиски тотального порядка, модернистских и классических тенденций в искусстве (Бобринская 2004).

Авангардистское представление о том, что всемирный коллектив должен преодолеть рамки индивидуального и об обществе, человеке, бытии как о материале, который можно изменять приложением воли (Гирич 2010), нашло отражение и в конструктивизме, самом рациональном из направлений авангардизма, ориентированном на адаптацию в обществе форм нового искусства (Бобринская 2010). Конструктивизм стремился

выявить, как искусство растворяется в технике, машинной или органической реальности, он был одним из проявлений развивавшейся с конца 1910-х годов тенденции исчезновения искусства, растворения в предметном мире (Бобринская 2006).

Для конструктивистов идеалом общественного устройства, которого можно пытаться достичь, было устройство, подобное машине, где научно выявлено и воплощено разумное взаимодействие частей и целого. Мир техники — это мир конструктивизма, направленный на природу (Бобринская 2010). «Движение конструктивизма предлагало рационально структурированную, тяготеющую к формальной стабилизации и нормативности модель мира» (Гирин 2010: 67), и эта модель была востребована обществом.

Архитекторы-конструктивисты и их коллеги были задействованы в возведении производственных, общественных и жилых зданий по всей стране. Несмотря на коллективную, а не частную природу заказчика, готовые сооружения обладали весьма разнообразными архитектурными формами, выдержанными в стиле авангарда, хотя наличие частного заказчика могло, вероятно, способствовать более полному, исчерпывающему, многомерному выражению социально-художественных идей авангардистской картины мира. Рабочие поселки, студенческие городки, группы и отдельные жилые дома представляют собой уникальные произведения социально-архитектурного творчества с их избыточностью художественных и социальных смыслов и своеобразной материальной формой.

Архитекторы и социальная система считали зодчих социальными инженерами, и признавалось, что архитектурные сооружения имеют вместе с функциональным и символическим содержанием то, что некоторые сегодняшние социологи назвали бы действием (agency).

Социальная коммуникация и архитектура

Согласно теории Н. Лумана, общество как всеохватывающая социальная система включает в себя остальные социальные системы и их компоненты, подчиняет и ориентирует на себя все в нем существующее. Единство и воспроизводство общества, по мнению Н. Лумана, возможно лишь благодаря коммуникации, которая бесконечно выстраивает свои сети, где элементы являются и средством, и результатом коммуникативного процесса (Луман 2004; Антоновский 2004). Если рассматривать общество так, то архитектурные сооружения можно считать подобными элементами коммуникации.

В этом отношении уникальность советской ситуации заключалась в том, что после революции не стало индивидуального, частного заказчика

со своим вкусом, эстетическими, архитектурными и инженерными представлениями и денежными возможностями. Почти полностью прекратилась практика городского дворцового, усадебного, частно-дворового и доходного строительства. Сносить и строить начали под эгидой коллективной системы, и за счет новых построек значительно снизился такой элемент коммуникации, как уровень шума, который, конечно, оставался из-за сохранения ряда старых зданий и планов городов.

Для самовоспроизводства общества коммуникация в общественной системе непрерывно осуществляет ряд операций, таких как производство различий (к примеру, отделение одних элементов от других или вычленение информации, которую надо актуализировать, уточнить или исключить); уточнение того, как то или иное сообщение было понято; определение, создание или отмена необходимых медиумов, опосредующих коммуникацию; приспособление к институциям, возникшим в ее рамках; обращение к предыдущим результатам коммуникации и планирование будущих коммуникаций. Например, в сфере архитектуры рекурсивность — обращение к результатам предшествующих операций как к основанию последующих — может проявляться в виде сохранения или сноса зданий.

Следуя концепции Н. Лумана, можно предположить, что аутопойезис системы во многом зависит от своего рода обещания, гарантии того, что практикуемые, запрограммированные системой отношения никуда не денутся завтра. В свою очередь, от этого зависит доверие и укрепление в сознании, разуме или чувствах индивидов — участников коммуникации ощущения, что коммуникация будет глобально продолжена.

Системные знаки послереволюционной России постоянно подвергались трансформации и диверсификации. Особенно ярко это выразилось в таком основополагающем институте, как деньги, доверие к которым из-за нарушения привычных, традиционных форм обращения было подорвано. Идеологический дискурс также сначала представлял собой достаточно хаотичный калейдоскоп быстро сменяющихся микропарадигм.

Так что же могли представлять собой стабильные, укрепленные в пространстве и сознании системно-коммуникационные маркеры нового общества, как они могли иметь пролонгированное влияние, становясь при этом зримым и ощущаемым символом?

Согласно Э. Дюркгейму, без символов, непрестанно актуализирующих в упрощенной форме, доступной быстрому схватыванию и припоминанию, представления о групповой сплоченности, социальные чувства могут быть только неустойчивыми, а для существования общества необходима их длительность. Другие, внешние вещи постоянно напоминают об этих

представлениях, словно причина, которая их впервые побудила, продолжает существовать, а также о моральной силе, исходящей из групповых отношений (Durkheim 2004).

Кроме содержащих конкретику символов важную роль в единстве общества играют эстетические впечатления по поводу каких-либо других вещей. В. Эфроимсон писал, что художественная восприимчивость может иметь полуинстинктивный или, наоборот, более высокий надэмоциональный характер. И общие эстетические эмоции сплачивают коллектив и таким образом помогают выживанию (Эфроимсон 1995). Постройка зданий в едином архитектурном стиле в разных городах, в разных местах городов также работала на универсализацию эстетических впечатлений.

Архитектура как наиболее стабильное и долгосрочное явление, непосредственно окружающее человека, становится наиболее подходящим для этой цели инструментом, а архитектурные объекты — медиумами коммуникации. Жизнь и работа в них были обусловлены коммуникационными интенциями, закладываемыми новой системой. Заселяясь в новый, не им построенный дом, человек вынужден встраиваться в предзаложенное до него пространство, соблюдать и реализовывать предзаданные в нем практики. Таким образом, символическое измерение архитектуры сочеталось с ее практическим действием в том смысле, что в этих символах люди живут, а значит, осуществляют ряд повторяющихся долгие годы операций, регулярное исполнение которых изменяет человека, его культурные и психические установки.

В 1920-е годы было распространено представление о том, что преимущественно архитектура могла адекватно воплотить развивающиеся идеи и влиять на социальную сферу жизни людей (Чепкунова 2011). Архитектор выступал организатором социализма, участвовавшим в формировании нового общества и людей, их эмоций, производственной, личной и социальной структуры жизни в соответствии с целями новой системы. Изолированные горожане и крестьяне должны были стать новыми личностями, объединенными коллективным и личным (при общей механистической направленности у теоретиков и практиков архитектурного авангарда сохранялась идея о неподавленной личности) развитием друг с другом и с коллективом, а через него — с обществом благодаря использованию достижений науки и техники. Жилье для архитекторов того времени имело главнейшую роль в созидании социализма и интеграции человека в коллектив (Hudson 1986). Даже балконы делали выходящими на улицу, а не во двор.

Будучи крупными художниками, архитекторы авангарда тем не менее сознательно добивались того, чтобы их здания производили впечатление,

будто они являются результатом обезличенного мышления точной науки (Бобринская 2006). Такие образы были востребованы новой системой, стремившейся к превосходству коллективного, и это было одной из точек (как, к примеру, и конструктивистский идеал пролетарского человека, полностью принадлежащего миру производственного) не очень долгого совпадения интенций авангарда и новой системы (Бобринская 2010).

Яркими примерами формирования новых, замкнутых коммуникационных микрополей становились рабочие поселки архитектурного советского авангарда. Они представляли собой крупные городские поселения, включавшие производственные, жилые, сервисные и рекреационно-агитационные (рабочие клубы) постройки. Жилые дома были композиционно ориентированы на проходную завода. Коммуникация в них таким образом стремилась к максимальному уменьшению посторонних шумов и внутренних противоречий и в идеале сводилась к четко запрограммированному коммуникационному коду. Другими словами, все в этой системе работало на укрепление коммуникации и гарантию завтрашнего дня, стабильного обещания.

Рабочие поселки являли собой универсальный код, показывающий, что все действуют одинаково и одновременно. Универсализация коммуникации для всех проживающих в данном рабочем поселке работала на ощущение общности системы для всех, так как практики были видимы. Это сходно с органической коммуникацией системы клеток живого организма, незыблемость которой воспринимается априорно, как данность. Рабочий поселок подобен каркасу, куда «запускали» живые клетки, которые начинали там двигаться и работать, или четко слаженной машине, метафора которой была тогда очень распространена в среде социальных инженеров.

Распространенность этой метафоры определялась эстетической привлекательностью машин, сопряженной с мифом абсолютной функциональности и надежности движений машины, упразднения сопротивления и трения, гармоничной интеграции крошечных и огромных деталей. И организации фабрики, и план социалистического государства, по мнению Г. Зиммеля, повторяют эту красоту в большем масштабе (Simmel 2004). «Перенять внутренний принцип работы машины, ее функциональность, ее лаконизм, волевое подчинение материи своим задачам» — вот одна из главных социально-художественных целей конструктивизма (Бобринская 2010: 52).

Рабочие поселки конструктивистов и рационалистов, а также студенческие городки воплощали и стремились воспроизводить идею о разумной организации социального пространства, механической ритмизации жиз-

ненного строя, связанного с миром города, производства, направлением деятельности большого количества людей одновременно (Бобринская 2010).

Сложно оценить, изучить и понять эффект, производимый новыми архитектурой и бытом на людей, переселявшихся из бараков, рабочих казарм, общежитий, изб. Весь их привычный уклад бытовой жизни подвергался трансформации. Но при этом можно встретить интереснейшие примеры адаптаций как бытовых, так и социальных практик старого режима на новый лад. Например, сохранение икон и религиозной литературы (индивидуальная инициатива) и устройство красных и детских уголков в местах, где раньше были иконы (Buchli 1999) или массовые шествия (массовая инициатива), в ходе которых вместо религиозных праздновали советские события, актуализируя тем самым — и до, и после революции — инстинктивное соответствие высшему порядку и ритму (Cooke 1995). Это показывает, что многие принятые формы коммуникации никуда не делись и даже не потеряли смысловое содержание, а лишь сменили название и символическую атрибутику, что иллюстрирует идею Н. Лумана об инвариантности коммуникации, ее компонентов и базовых практик. В обществе существуют социальные инварианты порядка, не сводимые к рациональности и подобным явлениям, — они обеспечивают интеграцию, связывают элементы системы. Жилье человека также, вероятно, отчасти является такой универсалией. Люди изменились, но не настолько утопично, как планировал авангардный проект. Если смотреть с позиции Н. Лумана, то можно предположить, что люди стали участвовать в коммуникативных актах, например принимать участие в жилищных объединениях, а значит поддерживать и воспроизводить коммуникацию.

Важной частью реализации архитектурного проекта стало воплощение в материальных формах зданий идеи заботы и заинтересованности в нуждах и потребностях человека (высокое качество строительства, высокие потолки в квартирах, продуманное естественное освещение и проветривание, приемлемая плотность застройки, отсутствие дворов-колодцев, обязательный вид на деревья и др.), повышающее кредит доверия, а следовательно, укрепляя и поддерживая коммуникацию.

Система коммуникации осуществляет непрерывное самонаблюдение, конструирует себя, обсуждает свои предметы, требует других коммуникаций, реагирует на прошлые, избегает одних коммуникаций и присоединяется к другим (Луман 2004). Так воспроизводится социальная система — общество и входящие в него другие социальные системы. Действия коммуникации вокруг жилья почти бесконечны, вокруг городского жилья

постоянно что-то происходило. Создававшаяся в коммуникации институция — жилые дома и их совокупность — стали и результатом, и средством коммуникативного процесса. В массовом обществе, каковым более или менее быстро становилось пореволюционное советское общество, жилые дома являются важными коммуникационными ориентирами, предметами, медиаторами. В советском обществе это дополнялось отсутствием частной собственности, и самонаблюдение коммуникации было интенсивным. Это проявлялось, например, в создании, функционировании, реформах, упразднениях и снова создании жилищных организаций или продолжающейся деятельности по ремонту и вопросам заселения.

Равенство, дифференциация и архитектура

Г. Зиммель писал, что социалистическая система характеризуется равенством между людьми, отсутствием конкуренции, стремлением как можно больше делать для общества и как можно более получать его поддержку. Социализм должен добиваться наилучшего из возможного для всех, чтобы психологически присущее людям свойство стремиться к лучшему не превратило социализм в переходный период к дифференцированному обществу (Зиммель 1996).

Внешняя простота жилых построек советского архитектурного авангарда ориентирована на создание именно такого впечатления равенства живущих в них между собой и другими членами общества.

Стабильность и социальная свобода при социализме, по Г. Зиммелю, основана на координации всех общественных элементов, а не на сверхсубординации. Похожего поискового метода придерживались конструктивисты-архитекторы: как могут или должны быть устроены части по отношению друг к другу и к целому, как могут и должны соединяться силы и направления частей, чтобы образовывать конструкцию?

Даже самая высокая социализация (в смысле стремления к социализму) никогда не сможет полностью преодолеть ни различия в человеческом бытии и обладании, ни неотъемлемо присущего психике человека стремления к отличию и превосходству. Даже в условиях декларируемого и практически осуществляемого равенства (а особенно в таких обстоятельствах) растет способность ощущать различия, чуткость к самым небольшим несходствам (Зиммель 1996). Примером подобного явления может служить бытовавшая в советском обществе чувствительность к осмыслению места и условий жительствовавшего — своего и другого человека, формирование в общественных представлениях образа престижных кварталов и домов. Яркую иллюстрацию представляют красивые, престижные дома парадной сталинской жилищной архитектуры, где различия форми-

ровались даже в масштабах одного здания, в котором несколько квартир могли иметь привлекательные террасы, а на крыше мог быть расположен даже пентхаус-вилла. Существование таких кварталов и домов позволяет предположить нормализацию социальной иерархичности в общественном сознании.

Изменения в системных установках к 1930-м годам в сфере жилья иллюстрируют факты упразднения идей и материального воплощения домов-коммун в пользу интимизации жилища, частичной, а не полной социализации домашнего очага и сохранения отдельной семьи (Buchli 1999); перехода от создания клубов рабочих при отдельных предприятиях к районным дворцам культуры (Васильев 2014) и театрам, т.е. движения по пути односторонней коммуникации; перехода от фабрик-кухонь и связанной с этим социализацией (в зиммелевском смысле) питания к кулинариям, где еду надо было покупать и уносить с собой; отказа от гигантомании в строительстве, например школьных комбинатов в пользу более традиционных школ (Там же). Системное ощущение благополучия выразилось, помимо прочего, в практически непременном планировании и размещении на первых этажах жилых домов торговых площадей, в отличие от жилых построек эпохи архитектурного авангарда.

Общественная централизация связана с эстетической волей к симметрии. Г. Зиммель писал, что тенденция организовать все в обществе симметрично, во-первых, сопряжена с эстетической привлекательностью в данный исторический момент внутреннего баланса и внешнего единства, гармоничного отношения частей к целому; во-вторых, с упрощением управления многими элементами из единого центра: нормы благоприятнее интериоризируются в симметричной организации, чем в системе с иррегулярной внутренней структурой (Simmel 2004). Кроме того, архитектурный авангард от следующего стиля отличается преимущественная внешняя асимметричность и невыраженность фасада, в то время как в 1930-е годы наметилась тенденция к симметрии и усилению главного фасада, декорированию зданий (Васильев 2014). В античной архитектуре симметрия была только в общественных, но не в жилых постройках. Симметрия, по мнению теоретика и практика архитектурного и реставрационного дела Е. Виолле ле Дюка, это могущественнейшее средство показать величие (Виолле ле Дюк 1938).

Литература

Антоновский А.Ю. (2004) Послесловие переводчика. Никлас Луман: эпистемологические основания и источники социологического конструктивизма. Луман Н. *Общество как социальная система*. М.: Логос: 208–231.

Бобринская Е.А. (2004) Сомнительная сущность искусства. *Художественный журнал*, 54: 9–15.

Бобринская Е.А. (2006) *Русский авангард: границы искусства*. М.: Новое литературное обозрение.

Бобринская Е.А. (2010) Русский авангард как историко-культурный феномен. Гирин Ю.Н. (ред.) *Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.)*. Теория. История. Поэтика: в 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН: 5–65.

Васильев Н.Ю. (2014) *Архитектура Москвы периода НЭПа и Первой пятилетки: путеводитель по Москве*. М.: ABCdesign.

Виолле Ле Дюк Э. (1938) *Беседы об архитектуре*. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры.

Гирин Ю.Н. (2010) Проблема авангарда: содержание, границы, понятийный аппарат. Гирин Ю.Н. (ред.) *Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.)*. Теория. История. Поэтика: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН: 34–76.

Зиммель Г. (1996) *Избранное*: в 2 т. Т. 2. М.: Юрист.

Изгоев А.С. (1991) Пять лет в Советской России. *Архив русской революции*: в 22 т. Т. 10. М.: Терра, Политиздат: 5–55.

Луман Н. (2004) *Общество как социальная система*. М.: Логос.

Меерович М.Г. (2009) СССР как мегапроект [http://polit.ru/article/2009/06/03/sssr/] (дата обращения: 08.09.2017).

Меерович М.Г. (2012) *Соцгород* [http://www.alyoshin.ru/Files/publika/meerovich/meerovich_sots.html] (дата обращения: 08.09.2017).

Поляков Ю.А., Жиромская В.Б. (ред.) (2000) *Население России в XX веке*: в 3 т. Т. 1. М.: РОССПЭН.

Сидорина Е.В. (2010) Конструктивизм. Гирин Ю.Н. (ред.) *Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.)*. Теория. История. Поэтика: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН: 530–598.

Трущенко О.Е. (1995) *Престиж Центра: городская социальная сегрегация в Москве*. М.: Socio-Logos.

Чепкунова И.В. (авт.-сост. и науч. ред.) (2011) *ВХУТЕМАС. Мысль материальна. Каталог коллекции студенческих работ ВХУТЕМАС из собрания Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева*. М.: Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева.

Эфроимсон В.П. (1995) *Генетика этики и эстетики*. СПб.: Талисман.

Buchli V. (1999) *An Archaeology of Socialism*. Oxford, N.Y.: Berg.

Cooke C. (1995) *Russian Avant-Garde: Theories of Art, Architecture and the City*. L.: Academy Editions.

Durkheim E. (2004) Social structure, material culture and symbolic communication. In: Tanner J. (ed.) *The Sociology of art: a reader*. L.: Routledge: 59–68.

Fowler C., Harris O. (2015) Enduring Relations: Exploring a Paradox of New Materialism. *Journal of Material Culture*, 20(2): 127–148.

Hudson H.D., Jr. (1986) "The Social Condenser of Our Epoch": the Association of Contemporary Architects and the Creation of a New Way of Life in Revolutionary Russia. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 34(4): 557–578.

Lodder C. (1983) *Russian Constructivism*. New Haven; L.: Yale University Press.

Lucie-Smith E. (1977) *Art Today: From Abstract Expressionism to Superrealism*. N.Y.: Morrow.

Müller A.-L., Reichmann W. (eds.) (2015) *Architecture, Materiality and Society: Connecting Sociology of Architecture with Science and Technology Studies*. N.Y.: Palgrave Macmillan.

Pyhtinen O. (2016) *More-than-Human Sociology: A New Sociological Imagination*. N.Y.: Palgrave Macmillan.

Simmel G. (2004) Symmetry and social organization. In: Tanner J. (ed.) *The sociology of art: a reader*. L.: Routledge: 55–58.

Zalivako A. (2012) *Die Bauten des russischen Konstruktivismus, Moskau 1919–32: Baumaterial, Baukonstruktion, Erhaltung*. Petersburg: Imhof.

THE LEGACY OF THE POST-REVOLUTIONARY SOVIET RESIDENTIAL ARCHITECTURE: AN ATTEMPT AT SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Dmitry Tikhaze, Anastassia Kurilova
(anastassia-01@yandex.ru)

Independent scholars, Moscow, Russia

Citation: Tikhaze D., Kurilova A. (2018) Naslediye poslerevolutsionnoy sovetsoy khiloy arhitektury pervoy poloviny XX veka: opyt sotsiologicheskogo analiza [The legacy of the post-revolutionary Soviet residential architecture of the first half of the XX century: an attempt at sociological analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(3): 201–221 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.9>

Abstract. The urbanization in the USSR was going along with the formation of a new type of Soviet people in the context of social changes, for example, the abolition of private property and the mass transition from rural labor to working in factories. Millions of people had to quickly get used to the new types of collective, ideology, household and consumer, social and labor behavior, and also to life in cities. Since cities have become the main place of industrialization and life, and the main element of the new territorial and social structure. Active urbanization consisted not only in the construction of plants,

but also in the integrated construction of residential, administrative, service and recreational facilities, and also in changing the appearance of old cities. Architectural objects were built not only with a functional purpose, but also in order to ensure the self-reproduction of the new social system. The paper deals with the sociological study of specific and general social phenomena associated with socialist architectural objects with the help of theoretical concepts of the sociology of architecture (as a part of the sociology of material culture): 1) The material things contain the stabilization aspect of social organization in the mutual influence of people and things. When perceiving the materiality of architecture, social situations that affect people are unfolding. The social context produces architecture that is a specific form of materiality because of the great effort invested and strong fortitude and stability in this social context and its change over time. 2) Architecture makes visible the aspects of social, ideas, social relations and concepts, manifested in the visible aggregate of people and things, social norms and processes that were in the design of architecture, and after the construction — coming with it. With the help of examples of the Soviet architectural avant-garde and, in part, the style following it, an attempt is made to reveal the connection between the materiality and the formation of the Soviet man.

Keywords: sociology, architecture, materiality, Soviet avant-garde, constructivism, revolution.

References

- Antonovskiy A.Y. (2004) Poslesloviye perevodchika: Niklas Luhmann: epistemologicheskoye osnovaniya i istochniki sociologicheskogo konstruktivizma [Translator's afterword: Niklas Luhmann: epistemic basis and the roots of sociological constructivism]. In: Luhmann N. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Moscow: Logos (in Russian).
- Bobrinskaya E.A. (2004) Somnitel'naya sushchnost' iskusstva [The ambiguous essence of art]. *Khudozhestvennyy zhurnal* [Art journal], 54: 9–15 (in Russian).
- Bobrinskaya E.A. (2006) *Russkiy avangard: granitsy iskusstva* [Russian avant-garde: limits of art]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).
- Bobrinskaya E.A. (2010) Russkiy avangard kak istoriko-kul'turnyy fenomen [Russian avant-garde as a historico-cultural phenomenon]. In: Girin Y.N. (ed.) *Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930). Teoriya. Istoriya. Poetika* [Avant-garde in the XX century's culture (1900–1930). Theory. History. Poetics]. V 2 kn. Kn. 2. M.: IMLI RAN: 5–65 (in Russian).
- Buchli V. (1999) *An Archaeology of Socialism*. Oxford; New York: Berg.
- Chepkunova I. (2011) *VKhUTEMAS. Mysl' material'na. Katalog kollektsii studentskikh rabot iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya im. A.V. Shchuseva* [VKhUTEMAS: the thought materialized. Catalogue of VKhUTEMAS student works from the collection of the Shchusev State Museum of Architecture]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey arkhitektury im. A.V. Shchuseva (in Russian).
- Cooke C. (1995) *Russian Avant-Garde: Theories of Art, Architecture and the City*. London: Academy Editions.
- Durkheim E. (2004) Social structure, material culture and symbolic communication. In: Tanner J. (ed.) *The Sociology of art: a reader*. London: Routledge: 59–68.

Efroimson V.P. (1995) *Genetika etiki i estetiki* [Genetics of ethics and esthetics]. St. Petersburg: Talisman (in Russian).

Fowler C., Harris O. (2015) Enduring Relations: Exploring a Paradox of New Materialism. *Journal of Material Culture*, 20(2): 127–148.

Girin Y.N. (2010) Problema avangarda: soderzhanie, granitsy, ponyatiynnyy apparat [The problem of avant-garde: content, limits, conceptual apparatus]. In: Girin Y.N. (ed.) *Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930). Teoriya. Istoriya. Poetika* [Avant-garde in the XX century's culture (1900–1930). Theory. History. Poetics]. V 2 kn. Kn. 1. Moscow: IMLI RAN: 34–76 (in Russian).

Hudson H.D., Jr. (1986) “The Social Condenser of Our Epoch”: the Association of Contemporary Architects and the Creation of a New Way of Life in Revolutionary Russia. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 34(4): 557–578.

Izgoev A.S. (1991) Pyat' let v Sovetskoj Rossii [Five years in Soviet Russia]. In: *Arkhiv russkoj revolyutsii* [Russian revolution's archive]. V 22 t. T. 10. Moscow: Terra, Politizdat: 5–55 (in Russian).

Lodder C. (1983) *Russian Constructivism*. New Haven; London: Yale University Press.

Lucie-Smith E. (1977) *Art Today: From Abstract Expressionism to Superrealism*. New York: Morrow.

Luhmann N. (2004) *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Moscow: Logos (in Russian).

Meyerovich M.G. (2009) SSSR Kak Megaprojekt [USSR as a Megaproject]. [http://www.alyoshin.ru/Files/publika/meerovich/meerovich_megaproekt.html] (accessed: 08.09.2017) (in Russian).

Meyerovich M.G. (2012) Sotsgorod [Socialistic City]. [http://www.alyoshin.ru/Files/publika/meerovich/meerovich_megaproekt.html] (accessed: 08.09.2017) (in Russian).

Müller A.-L., Reichmann W. (eds.) (2015) *Architecture, Materiality and Society: Connecting Sociology of Architecture with Science and Technology Studies*. New York: Palgrave Macmillan.

Polyakov Y.A., Zhiromskaya V.B. (2000) *Naseleniye Rossii v XX veke* [Russia's population in the XX century]. V 3 t. T. 1. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Pyyhtinen O. (2016) *More-than-Human Sociology: A New Sociological Imagination*. New York: Palgrave Macmillan.

Sidorina E.V. (2010) Konstruktivizm [Constructivism]. In: Girin Y.N. (ed.) *Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930). Teoriya. Istoriya. Poetika* [Avant-garde in the XX century's culture (1900–1930). Theory. History. Poetics]. V 2 kn. Kn. 1. Moscow: IMLI RAN: 530–598 (in Russian).

Simmel G. (1996) *Izbrannoye* [Selected works]. V 2 t. T. 2. Moscow: Yurist (in Russian).

Simmel G. (2004) Symmetry and social organization. In: Tanner J. (ed.) *The sociology of art: a reader*. London: Routledge: 55–58.

Trushchenko O.E. (1995) *Prestizh Tsentra: gorodskaya sotsial'naya segregatsiya v Moskve* [Prestige of the city centre: urban social segregation in Moscow]. Moscow: Socio-Logos (in Russian).

Vasil'yev N.Y. (2014) *Arkhitektura moskovskogo perioda NEPa I Pervoy pyatiletki: putevoditel' po Moskve* [Architecture of NEP and first five-year plan in Moscow: Moscow guide]. Moscow: ABCdesign (in Russian).

Viollet-le-Duc E. (1938) *Besedy ob arkhitekture* [Discourses on architecture]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoy akademii arkhitektury (in Russian).

Zalivako A. (2012) *Die Bauten des russischen Konstruktivismus, Moskau 1919–32: Baumaterial, Baukonstruktion, Erhaltung* [The constructions of Russian Constructivism, Moscow 1919–32: building material, building construction, conservation]. Petersburg: Imhof (in German).